

В. И. Иванов — С. Л. Франку

18 мая 1947 г., Рим.

Дорогой Семен Людвигович,

благодарю Вас за оба Ваши письма (от 19 апр<еля> и 7 мая): перечитывая их, опять и опять испытываю глубокую радость. Ваше одобрение моих размышлений о Душе мне высоко ценно: вижу в нем как бы свидетельство, подтверждающее в некоторой мере мои темные догадки. Столь братской близости на столь далеких путях духа, как та, которую возвестило мне Ваше второе письмо, я не чаял; в этом позднем чудесном соприкосновении наших душ вижу и я «подарок Божий». И захотелось мне первым делом сообщить Вам стихотворение, написанное в январе 1944 года и рисующее обстановку моей религиозной жизни: описание моей приходской церкви на Малом Авентине, внутри Аврелиановых стен. Эта древняя церковь в конце VI века была отдана папою Григорием Великим сиро-палестинским монахам, выходцам из лавр Саввы Освященного (кстати, сегодня у нас его праздник с крестным ходом). (Прибавлю в пояснение, что православный, присоединяющийся к Римской Церкви, обязан оставаться верным восточному обряду, и ему только разрешается исповедоваться и причащаться в латинских церквах; поэтому мой приход в строгом смысле этого слова — церковь св. Антония Великого — при русской Духовной академии, Коллегиум Руссикум, где по русски совершается богослужение, в большие праздники с архиереем, и Верую поется без слов «и Сына»*. Из таких мест Рима многовековая жизнь Церкви невольно представляется** длинным, длинным шествием вроде крестного хода, в истоке которого доселе идут первосвидетели Христовы***. Трудно любящему Христа не примкнуть к этому шествию верных. Много темного деялось на пути его, но оно не прекращается и неповрежденно хранит веру. Поздние византийцы выступили из исконного соборного хода, но (в противоположность

позднейшим протестантам, разбредшимся со своими библиями по сторонам) пошли рядом, тем же по существу, но отдельным крестным ходом.**** Не могу понять, как Вы можете видеть в описанном шествии только «эмпирически объединенный и нормированный» коллектив. Не могу понять и того, почему «хорошо и то, что вокруг нее (католической церкви), за ее пределами, есть и не объятый ею круг христианских душ». Кто же, однако, эти счастливцы? Ужели заблудившиеся в дебрях «свободного исследования» протестанты? Или православные подданные Василия Темного (нашего Генриха VIII), Петра Великого и Сталина? Или старокатолики, последователи Деллингера, умолявшего Пия IX не раскалывать Церкви провозглашением папской безошибочности в соборных решениях? Но Церковь не раскололась оттого, что на соборе отвергнут был парламентский принцип подсчета голосов и утверждено древнейшее предание римского арбитра. К тому же само папство ограничило свою догматическую инициативу определением верований, издавна укоренившихся в предании. Пример тому — чудный догмат о непорочном зачатии, утверждающий, что рай на земле донныне есть для прозревших, как это проповедовал старец Зосима, и как уверяли меня с удивительной силой поэтического слова неграмотные имяславцы, спасающиеся в Кавказских дебрях.

Что касается здешнего отношения к Востоку, то уже Лев XIII провозгласил восточное литургическое предание превосходнейшим в сравнении с латинским, и я лично, работая в институтах, подчиненных Конгрегации по делам Восточной Церкви, имею перед глазами трогательные примеры (не говорю уже о славянах) итальянцев, немцев, французов, бельгийцев, англичан, испанцев, выучивающихся русскому языку и принимающих восточный обряд (который для священников исключает возможность служить по латинскому обряду) из любви к России, как будущей — они твердо на это надеются — восточной половине вселенской Церкви. Огромное большинство католического клира, правда, не имеет никакого понятия о русском православии; но папы (как я лично убедился в этом не без глубокого волнения, беседуя с покойным Пием XI) и наиболее просвещенные круги духовенства ни о чем так не ревнуют, как о воссоединении церквей. В Восточном Институте, где я был и донныне считаюсь профессором церковно-славянского языка, и в Руссикуме, где я преподавал, сначала в их аудиториях, а потом у себя на дому, историю русской литературы, пишутся и защищаются докторские диссертации о Соловьеве, Бердяеве, Булгакове, Карсавине, там и Ваше имя хорошо известно и произносится с глубоким уважением. Показательно, что это изучение

направляется не только на богословие и философские доктрины, но стремится проникнуть в мистическое богочувствование православных и в религиозную психологию народа (было мне любопытно, например, читать с нерусскими студентами народные «духовные стихи»). Сознает ли католичество свою «ущербность» в сравнении с Востоком? Латинство, разумеется, знает, что оно только часть, а не целое; католичество же не имеет ни основания, ни права признавать себя ущербным, ибо оно говорит свое Да всему положительному на Востоке и включает в свою полноту весь Восток. Напротив, религиозно-чувствительные русские не могут не сознавать всей церковной ущербности, поскольку отмечают духовные сокровища Запада и его святых и видят православие низведенным стараниями государственной власти на уровень церкви национальной.

28-го мая.

Обстоятельства, деспотически прерывающие на каждом шагу мою текущую работу, мое сочинительство, вызвали, к сожалению, перерыв и этого письма, которого Вы в деловом порядке ждете. Продолжаю, на чем остановился.

Да, должно признать, что греки, вопреки голосу всех святых отцов, забыли слова: «Ты Петр» и сошли с церковной магистрали, и что католическая Церковь состоит из двух половин: латинской церкви и греческой, которая невелика количественно, но необходима духовно, потому что, упреждая ход истории, уже осуществляет полноту Церкви вселенской. Зачастую правятся в римских базиликах восточные служения, и только тактические, глубоко обдуманые и правильные соображения препятствуют папе отслужить восточную литургию в облачении восточного патриарха. Ваша радость на вносящих просто анахронизм: в старину латинство обезличило бы Россию, как оно исказило душу Польши, но теперь католичество не значит латинство. Сообщу Вам, кстати, и другое мое стихотворение, написанное через три недели после первого, 2-го февраля, в день Сретенья (la Chandeleur), — стихотворение также из поэтического Дневника, который я в тот год вел, полусерьезное, полушутливое, о моем любовании на латинцев (все не католические страны, по-моему, как-то печальны) и о моем братанье с латинцами. Прибавлю еще, в дополнение к вышесказанному о моей преподавательской работе, что время от времени приходится мне переводить на церковно-славянский язык какой-нибудь латинский текст, и я же составил (главным

образом по Решу) объяснительные примечания и введения к русскому переводу (перепечатанному с синодального издания) Деяний и Посланий Апостольских и Иоаннова Откровения. В заключение беседы о католичестве замечу, что западное созерцание Церкви во всей полноте и славе раскрывает содержание слов апостольского символа: *Communio Sanctorum*.

3-е июня

Опять досадный перерыв. И пора, наконец, ответить на Ваши делового порядка вопросы. Прежде всего о месте и времени моего рождения и моей семье. Моя поэма «Младенчество» (СПБ 1918) отвечает на этот вопрос подробно и живописно. Родился я 16/28 февраля 1866 года, в Москве, в домике моих родителей у Зоологического Сада, в обстановке культурной и среднебуржуазной. Отец мой, шестидесятник и атеист до последних недель жизни, был по профессии землемером, а потом, после долгого перерыва служебной деятельности, чиновником московской Контрольной Палаты, в чине титулярного советника. Умер он, когда мне было пять лет, и всею своею формацией я обязан моей матери, внучке священника и дочери сенатского чиновника, по фамилии Преображенской, женщине большого ума, широких духовных интересов и пламенной религиозности. Окончив курс Первой московской гимназии с золотой медалью, я поступил на филологический факультет Университета, где тотчас получил премию за древние языки и снискал благосклонность Павла Гавриловича Виноградова, который руководил моими занятиями и в мои берлинские студенческие годы. Ибо с третьего курса я, женившись, поехал учиться в Берлин, где после блужданий в пределах средневековой и византийской истории сосредоточился, по совету Виноградова, на филологии и на древней истории в семинариях Моммзена и Оттона Гиршфельда: Виноградов предназначал меня к филологической кафедре. После девяти семестров в Берлине я отправился готовить свою латинскую диссертацию для Моммзена (напечатанную впоследствии в Записках Петербургского Археологического Общ<ества>) сначала в Париж, а потом в Рим, где прожил, занимаясь археологией, до 1895-го года; потом, обманув ожидания Виноградова, жил я в Париже, в Женеве, в Афинах, а с конца 1904 года основался в Петербурге, где, между прочим (1910–1912), преподавал историю греческой литературы на Раевских Женских Курсах. После годовой отлучки во Францию и в Рим начался мой московский период, но революция 17-го года застала меня в Сочи. При большевиках приходилось мне

читать в Москве в разных учреждениях немало курсов по истории литературы и театра и по поэтике. В 1920 году, не выпущенный на волю, хоть имя мое и стояло на очереди заграничных командировок, поехал я на Кавказ с фиктивной командировкой дать отчет об университетском преподавании на Северном Кавказе и самовольно явился в Баку. А там был независимый от Москвы университет с хорошим профессорским составом (отмечу с любовью Маковельского), ибо туда тянулись профессора, не желавшие под разнообразными наименованиями дисциплин преподавать единый и единоспасующий марксизм и исторический материализм. Там мне дали тотчас кафедру классической филологии, там нашел я энтузиастических русских студентов (только книг у нас было маловато), там я напечатал свою книгу «Дионис и прадонисийство» и, защитив ее перед факультетом, получил от него диплом на степень доктора. Книгу эту перевело на немецкий язык издательство Бенно Швабе в Базеле и прислало перевод на одобрение мне вместе с авансом за будущее издание книги согласно подписанному договору; но перевод требовал тщательной правки, а текст ряда изменений и дополнений, и за эту кропотливую работой я испытываю терпение негодующего издательства уже немало лет. Менее благоприятную судьбу имел мой другой большой труд — поэтический перевод трагедий Эсхила, сделанный для издательства Сабашниковых, но перехваченный советским Госиздатом, который, — быть может оттого, что я уехал за границу, — похоронил его в своих недрах. Вы спрашиваете, какие книги вышли в свет после 20-го года. Кроме упомянутой монографии о Дионисе, в 1930 г. по-немецки «Русская Идея» (у Мор-Зибек, Тюбинген) и «Достоевский» (там же, в 1932 г.); поэма «Человек» (Париж, Дом Книги, 1939 г.); итал<ьянский> стихотворный перевод той же поэмы (Милан, 1946 г., изд. Бокка); трагедия «Тантал» в удивительном по совершенству поэтическом переводе на немецкий язык Генри Гейзелера (изд. Карла Рауха в Дессау-Лейпциг, 1940); наконец, моя с Гершензоном «Переписка из Двух Углов» вышла в Петербурге в 1921 г., перепечатана в Берлине в 1922 г., появилась на немецком языке в журнале *Die Kreatur* за 1926 г. и с 1931 г. отдельными изданиями во французском, итальянском и испанском переводах. Такая скудость отчасти возмещается рядом серьезных статей в *Corona*, *Hochland*, *Vigile*, *Accademia Petrarческа d'Arezzo*, *Enciclopedia Italiana* (Treccani) и в Современных Записках. В 1933 г. миланский Конвенто посвятил специальный четверной выпуск моей литературной деятельности.

Оказавшись в 1924 г. с дочерью и сыном в Риме, я не знал, куда деться, и был счастлив, получив, вследствие хлопот

Ф. Ф. Зелинского от Каирского университета предложение занять кафедру истории римской литературы. Начались переговоры об условиях (прямо сказочных) и времени приезда; я принялся упражняться в английском языке, но когда в египетском посольстве было обнаружено, что я проживаю по советскому паспорту, моя сказка из тысячи и одной ночи рассеялась маревом: тамошнее министерство немедленно пресекло затеи наивных гуманистов. Более терпимую к моему советскому подданству, несмотря на фашизм профессуры, явилась Павия, где я получил место проф<ессора> новых языков и литератур в университетском Колледжио Борромео, старинном, роскошном и даровом общежитии для наиболее успешных студентов всех факультетов, и вместе лекторство русского языка в Университете. С осени 1926 г. до летних вакаций 1934 г. я жил там, в дивном здании XVI-ого века, но сокращение бюджетов повело за собой упразднение отдельной профессуры в Колледжио. В Риме я, наконец, развязался с большевиками, приняв итальянское подданство; но приглашение во Флорентийский университет не было утверждено министерством, потому что мне было-де уже под 70 лет — предельный возраст, — а на самом деле потому, что я не был записан в фашистскую партию. О своем профессорстве в Pontificio Istituto <так!> Orientale и в Pontificium <так!> Collegium Russicum я уже говорил. Вот Вам на стольких страницах изобильный материал для заметки строк в двадцать петита. Думаю, что пересылка мне на просмотр перевода статьи Вас очень задержала бы, и потому прошу Вас самому внимательно последить за его философской точностью.

Хотелось бы знать, дорогой Семен Людвигович, как и с кем Вы живете и над чем работаете. Со мною дочь — она композитор, профессор в здешней государственной консерватории, и сын, француз, agrégé по германистике, теперь римский корреспондент газеты «Combat», подписывающий свои статьи именем Jean Neuvacelle.

А помните ли Вы, как в Силламягах мы играли в городки с покойным Гершензоном и с Петрушевским? Что с Петром Бернгардовичем? Еще благодарю и обнимаю с любовью.

Ваш Вяч. Иванов

В стенах, ограде римской славы,
На Авентине, мой приход —
Базилика игумна Савы,
Что́ Освященным Русь зовет.

Пришел с пустынных плоскогорий
Сонм Саваитов, Сириан,

С причастной Чашей для мирян;
Им церковь дал святой Григорий.

Сень подпирают кораблей
Из капищ взятые колонны;
Узорочьем цветных камней
По мрамору пестрят амвоны;

В апсиде — агнцы... Мил убор
Твоих, о Рим, святилиц дряхлых:
Как бы меж кипарисов чахлых,
Он чрез века уводит взор

Тропой прямой, тропую тесной,
Пройденной родом христиан, —
И все в дали тропы чудесной
Идут Петр, Яков, Иоанн.

8 января 1944.
В. И.

Милы сретенские свечи
И Христы-младенцы в святки;
Дух лаванды в ночь Предтечи,
В праздник Агнии ягнятки;

Благодатной ожерелья —
Нежных АВЕ розы-четки;
В среду заговен, с похмелья,
На главах золы щепотки...

Где бормочут по-латыни,
Как-то верится беспечней,
Чем в скитах родной святыни, —
Первобытней, человечней.

Здесь креста поднять на плечи
Так покорно не умеют,
Как пред Богом наши свечи
На востоке пламенеют.

Здесь не Чаша литургии
Всех зовет в триклиний неба:
С неба Дар Евхаристии
Сходит в мир под видом хлеба.

Пред святыней инославной
Сердце гордое смирилось,
Церкви целой, полнославной
Предвареньем озарилось...

То не гул волны хвалынской, —
Слышу гам: «Попал ты в лапы
Лестной ереси латынской,
В невода святого папы».

2–7 февраля 1944.

В. И.

